

ДНЕВНИК КАЛИДУМА

18+

Лев Француз

Лев Французов

Дневник калидума

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56995856

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04186-8

Аннотация

2 728 год. Вы на планете Силентиум. Земли более не существует. Он – калидум. Эмоциональный преступник. Его постигла участь узника и его ждет скорая смерть. Он не живет в прежнем мире. Его мир жесток и коварен. Мир, который следит за каждым человеком. Мир, который запретил эмоции и теперь выдает разрешения на их проявления. Его зовут Лендер Вейд. И это его дневник. Его первый и последний рассказ. Его роман. Его пьеса.

Содержание

В этой книге некоторые имена главных героев, наименования и выражения заимствованы из латинского языка и несут в себе смысл, необходимый для описания событий:	4
Начало	6
День 1	8
День 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**В этой книге некоторые имена
главных героев, наименования
и выражения заимствованы
из латинского языка и несут
в себе смысл, необходимый
для описания событий:**

академия Чессабитов – от латинского **cessabit** – спокойный;

Ариес – таран;

Верджи, Верджилиус – охота;

Ирен – цветок;

калидум – от латинского **calidus** – горячий;

Лендер – человек льва;

Мария – любимая;

мисс патрем – с латинского **patrem** – скучаю по тебе, отец;

мисс бадди – с латинского **buddy** – скучаю по тебе, дружище;

мисс куйс лео – с латинского **quis leo** (человек льва) – скучаю по тебе, Лендер;

Олкандр – сильный;

пайните бадди – с латинского **paenitet buddy** – прости, дружище;

робот аффект – от латинского **affectus** – эмоция;

робот амант – от латинского **amantes** – любовник;

Силентиум – от латинского **silentium** – тишина;

Супраймер – от латинского **supprimere** – подавлять;

тюрьма Руина – от латинского **pruina** – иней, изморозь;

Начало

2728 год, полночь, тюрьма Руина.

Как скоро должны отключить свет? У меня нет ответа на этот вопрос. Следует приступить к написанию как можно скорее. Думаю, у меня есть минут десять до того, как все погаснет. Можно, конечно, попробовать начать писать в темноте, но первые строки моего дневника все же заслужили света. Меня зовут Лендер Вейд, и это мой дневник. Мой первый и последний рассказ, мой роман, моя пьеса.

Я родился и вырос на Силентиуме. Единственном государстве на нашей планете. Почему единственном? Потому что мы победили. Победили в Последней войне, уничтожив, стерев с лица Земли остальные страны. Теперь мы одна планета – одна страна. Планеты Земля больше не существует, родилась новая – Силентиум.

Пусть мы теперь одни, жить нам стало не легче. Осознав итог Последней войны, власти постановили – ни за что не допустить рождение новых государств, наций. Дабы не допустить новых войн и гибель миллионов людей. Звучит как милосердие. А я скажу – вздор!

Население Силентиума – 800 миллионов человек. Как удержать столь большое количество людей в руках закона и власти? Как не допустить развала такой огромной страны?

Власти нашли для этого свое решение.

Погасили свет. Не успел закончить мысль. В такой крошечной тьме ничего не видно. Пусть у меня времени немного, но я успею написать то, что задумал. Завтра мой первый день в Руине. Сегодня день, когда я попал сюда. День, который окончен. Дабы не сойти с ума в этой камере, я буду писать. Всегда. Пока еще жив. И даже во тьме. Надеюсь то, что я пишу сейчас, можно будет завтра прочесть. Главное приноровиться.

День 1

Мое первое утро в этом месте. Оно началось с завтрака. Вроде ничего необычного, на первый взгляд. Но не в моем положении. Меня разбудила громкая до невозможности сирена, включили свет.

– Завтрак! – раздался автоматизированный механический голос. – У вас 15 секунд, чтобы приступить к завтраку. В противном случае вы будете уничтожены. Подойдите в центр камеры и возьмите завтрак. 15, 14, 13....

Суть такого пугающего объявления была ясна. Мне необходимо в течение 15 секунд успеть оказаться в центре своей квадратной камеры. В ее центре находился силовой лифт, который поднимал и опускал все, что для этого предназначалось.

Успев спросонья добежать до центра, я оказался в силовом лифте.

– 3, 2, 1... – механический голос закончил отсчет.

Спустя секунду квадратный ступенчатый пол камеры выдал из себя через отверстия железные стержни с остриями на конце. Механизированные стержни с невероятной быстротой достигли четырехметрового потолка и застыли. При таких обстоятельствах, не успей я вовремя среагировать и добежать до центра, я был бы ими пронзен. Гениальная система по поддержанию заключенного в постоянном напряже-

нии. Мысли о побеге просто не хотят посещать тебя. Застывшие стержни образовали многоуровневую решетку. Кроме центра камеры, деваться было некуда.

Спустя секунду ко мне в руки по силовому лифту опустился поднос с едой. Что же, думаю, завтрак я заслужил, ведь только что был на волосок от гибели.

Голубоватый свет, освещающий лифт, погас, и я смог спокойно, сев на пол, позавтракать. Овощи, жидкий яичный белок, молоко. Все это быстро упало ко мне в желудок, ведь я не ел ничего до того, как вчера попал сюда. В первый день заключения еда в Руине не предусмотрена.

На завтрак дали 5 минут, по истечении которых силовой лифт активизировался и забрал у меня из рук поднос, поднося его наверх. Лифт погас, и спустя секунду железные стержни опустились и исчезли в полу. Моя квадратная камера вновь стала прежней.

Это – Руина. Самое ужасное место, в котором мне приходилось бывать. После такого утра я хочу отдохнуть. Здесь нет стула, нет кровати. Заключенный спит на полу. Имеется только раковина с унитазом, которые можно вызвать. Нажимаешь на единственную на стене кнопку, и они послушно выдвигаются из нее на 2 минуты, затем исчезают обратно.

Продолжу свой дневник позже. Нужно перевести дух и понять, как тут раньше времени не погибнуть и успеть закончить свою историю.

Не знаю, сколько времени я пролежал с закрытыми глазами, но мне стало лучше. То, чему учили в академии, помогает. Эмоциональный фон приведен в порядок, я спокоен. Начатое вчера можно продолжить.

Итак, каким образом государству с почти миллиардным населением держать порядок? Все просто и в то же время поистине ужасно.

Власть запретила эмоции. Отныне гражданин Силентиума не вправе проявлять восторг, гнев, злость, страх, стыд и другие эмоциональные состояния, свойственные нам от природы. Доктрина антиэмоциональной политики утверждена как основной руководящий принцип нашего государства. Во главе Силентиума встал незаменимый, лишенный всяких чувств и эмоций, жесткий, бескомпромиссный лидер – вождь Супраймер. Никто не знает его настоящего имени. Никто не знает, сколько ему лет. Некоторые считают, что это бессмертная сущность в человеческом облики, ставшая порождением, итогом Последней войны. Другие думают, что Супраймер – это цена победы в войне. Цена за миллиарды убитых нами жизней. В наказание за свое содеянное, за свою победу мы заслужили эту авторитарную, лишённую чувств и эмоций жизнь.

Дабы не лишит нашей страны человеческого облика, Супраймер разрешил только 4 эмоции, посчитав их главными и достаточными для сохранения человечности в сердцах граждан:

- 1) Радость;
- 2) Любовь;
- 3) Грусть;
- 4) Сожаление.

Даже смешно. Смешно от того, что смех теперь запрещен.

Разрешены только 4 малых, которые нас составляют.

Хотя, пожалуй, я поторопился, написав «разрешено». Да, Супраймер оставил нам Радость, Любовь, Грусть и Сожаление. Но проявить их, испытать, пропустить через себя возможно, только...

...получив Разрешение.

Чтобы вам было понятнее, я напишу две небольшие истории. Да. Две, пожалуй, в самый раз. Все для наглядности происходящего.

Бобби взял трубку и услышал знакомый голос лучшего друга Эдварда.

– Бобби! Как жизнь, дружище?

– Все хорошо, Эдди. Как сам?

– У меня очень хорошо. И у тебя в ближайшее время тоже все будет очень хорошо! Знаешь почему?

– И почему же?

– Твой братишка женится, дружище. Через неделю. И ты идешь ко мне на свадьбу.

Бобби замолчал и задумался.

– Эд, почему ты так поздно сказал? Как Кэтти? Счаст-

лива?

– Хотел сделать сюрприз. Язык так стремился все рассказать, но Кэтти предложила тебя немного, насколько это возможно и не опасно, удивить. Хотя по ней и не скажешь, но, надеюсь, внутри она безумна рада и счастлива. Несмотря ни на что, я буду стараться сделать ее счастливой.

– Очень надеюсь, что все так и будет.

– Боб, мы уже получили Разрешения на Любовь и Радость. Оба. Недешево вышло, конечно, но мы долго откладывали. Оно того стоит. Будет что вспомнить потом в нашем безэмоциональном мире. Лучик света в темноте, можно так сказать. В общем, беги скорее в Министерства и получай разрешения на Любовь и Радость. Бери на следующие выходные.

– Эдди, я не...

– Дружище, я жду тебя! Вынужден попроситься, эмоциональный фон стал нестабилен. До встречи. Запомни – отель «Слеза», ровно через неделю, в 10:00.

Телефон замолчал.

Бобби и сам почувствовал, что его эмоциональный фон начал дестабилизироваться. Датчик в левом предплечье начал вибрировать, сквозь кожу проявилась небольшая точка синего цвета.

Здесь хочу пояснить. Каждому рожденному на Силенти-

уме младенцу вживляют органический датчик контроля за эмоциями, который растет вместе с его организмом. В результате сложного химического и психологического анализа датчик дает знать, какой эмоциональный фон у его носителя.

- 1) зеленый цвет – носитель в безэмоциональном состоянии, эмоциональный фон стабилен;
- 2) синий цвет – эмоциональный фон носителя повышен, обнаружен процесс зарождения эмоции;
- 3) желтый цвет – эмоциональный фон носителя нарушен, обнаружен риск проявления эмоции;
- 4) красный цвет – носитель проявил эмоцию. Присвоен статус эмоционального преступника;
- 5) фиолетовой цвет – носитель получил Разрешение на проявление эмоции. Отображается на период действия Разрешения.

В случае если носитель пожелает избавиться от датчика, органика устройства распознает попытки физического удаления его из тела (скажем, вы решитесь вырезать его из руки) и впустит в кровь смертельный яд, который убьет человека за несколько минут, мучая перед последним вздохом.

На следующий день Бобби направился в Министерства. Его датчик светился зеленым – эмоциональный фон после вчерашнего разговора с Эдвардом стабилизировался и пришел в спокойное состояние. Конечно, ему очень хотелось пойти на свадьбу к Эдди, главное – успеть получить Разре-

шения.

Его взору предстала площадь Министерств, которую занимало громадное серое высотное здание. Говорят, его архитектором стал лично Супраймер. На километровой высоте этого поистине гигантского монумента, на его самой вершине восседала гигантская каменная фигура-исполин безэмоционального человека. Опять же бытует мнение, что это облик Супраймера, чей культ личности в буквальном смысле достаёт до небес.

Бобби подошел к зданию Министерств. Его громадная тень поглотила маленького человека, затмив его своим невозмутимым величием. Бобби потерял счет своим походкам сюда. Все четыре Министерства находились в одном здании и были разделены между собой.

4 эмоции, 4 Министерства, 4 Разрешения, 4 входа:

1) крайний слева – Министерство Радости;

2) крайний справа – Министерство Грусти;

3) следом за входом Радости – Министерство Любви;

4) между Любовью и Грустью – Министерство Сожаления.

Входы в Министерства представляли собой гигантские основания, квадратные колонны, которые держали на своих могучих плечах весь массив. Между входами-колоннами застыли каменные титаны, олицетворяющие 4 разрешенные эмоции. Эти высокие изваяния поистине пугали и в то же время восхищали. Глядя на них, невольно хочется испытать

эмоцию Восторга, которая запрещена. Посмотрев же на само здание Министерств, осознаешь, что хотел донести Супраймер до своих граждан. Он есть контроль и власть над эмоциями. Невозмутимый гигантский монумент безэмоционального человека на вершине олицетворял, что все эмоции, расположенные внизу, подчинены и подавлены его и только его волей.

Бобби направился в Министерство Радости. Сегодня был понедельник. После прошедших выходных граждане выстроились в длинную очередь за новыми Разрешениями, на новую неделю, новый месяц. Простояв в толпе час с лишним, Бобби прошел через двери Министерства и оказался в зале выдачи.

Здесь считаю необходимым кратко описать вам Министерства и их работу. Это целая система, выстроенная по старому образу и подобию существовавших раньше, в мирное время, государственных учреждений. За исключением того, что ныне упомянутое здание этих важнейших государственных органов является единственным, обсуживающим все население планеты. Его огромная площадь позволяла каждому Министерству иметь огромный многоэтажный зал с расположенными на каждом этаже окнами для выдачи Разрешений. Великолепное зрелище встретит вас, когда вы окажетесь в зале. Несмотря на то, что зал исполнен в темных и серых тонах, его грациозность заставляет замереть и замедлить дыхание. Возможно, это продуманная Супраймером своего

рода проверка на эмоциональную устойчивость.

В центре зала на каждом этаже Министерства расположены электронные табло. Через табло необходимо пройти идентификацию, приложив руку, в которую вживлен органический датчик контроля за эмоциональным фоном. Главная Система считает его идентификационный номер и направит в соответствующее окно.

«Окно 2608, 7-й этаж» высветило табло. Бобби просочился через огромную толпу людей, заполнившую зал Министерства, и поднялся на лифте на обозначенный этаж. Сегодня давка. Несмотря на большой размер и грузоподъемность, десятки лифтов с трудом справлялись с сегодняшним количеством людей.

Простояв еще минут 30 в очереди, Бобби оказался первым у окна 2608.

– Вашу левую руку, гражданин! – запросил афффект.

Афффекты – это созданная по приказу Супраймера механизированная армия роботов для контроля за гражданами. Они обеспечивают деятельность Министерств, являются охраной главы государства, осуществляют бесперебойный контроль за гражданами Силентиума, а также исполняют функции служб быстрого реагирования, ликвидируют чрезвычайные ситуации. Афффект без промедления спасет тебя, если тебе угрожает смерть, и окажет первую медицинскую

помощь, если ты пострадал.

Но главная задача аффектов – контроль и охота за эмоциями человека. Эти роботы подчинены Главной Системе, которая снабжает их электронные мозги эмоциональным состоянием каждого и передает данные местоположения человека, считывая информацию с органического датчика носителя. Аффекты выслеживают эмоционального преступника, производят его арест, оправляют в Руину и содержат в месте заключения до исполнения казни.

Аффект способен обнаружить носителя датчика с красным цветом и в случае малейшего сопротивления убьет его.

Аффект также способен обнаружить человека с датчиком синего и желтого цвета и задержать его, потребовав привести эмоциональный фон в стабильное состояние. Пока признаки нарушения эмоционального фона не исчезнут, аффект не отпустит тебя.

Быстрые, ловкие, сильные, не знающие страха, сострадания и жалости. Верная армия нашего вождя, численность которой в три раза превышает численность населения людей Силентиума.

Спасти от них – невозможно. Дать им отпор... пожалуй, каждый сам решает для себя, стоит ли пойти на это.

Бобби протянул левую руку. Аффект схватил ее и повторно считал идентификационный номер датчика. Убедившись, что именно Бобби подошел к окну 2608, аффект

запросил:

– Дата и период Разрешения?

– Эти выходные. Два дня, – ответил Бобби.

– Дата и период Разрешения, гражданин, – повторил афффект.

– Прошу прощения. 17, 18 сентября нынешнего года. Начало – 10:00 17 сентября, окончание – 22:00 18 сентября.

Афффект повернул механическую голову к экрану своего монитора, отображающего данные.

– Ваш лимит превышен, гражданин. Выдача разрешения в этом месяце не возможна. Желаете получить Разрешение на октябрь?

– Подождите, – произнес Бобби. – Почему превышен?

– Ваш лимит превышен, гражданин. 96 часов этого месяца истекли. Выдача разрешения в этом месяце не возможна. Желаете получить Разрешение на октябрь?

– Этого не может быть. Мои 96 часов не истекли.

Датчик Бобби начал вибрировать, зеленый цвет замигал. Вот-вот зеленый цвет сменится синим.

– Ваш лимит превышен, гражданин. Освободите окно.

Зеленый цвет датчика изменился на синий, рука Бобби завибрировала. Мгновение спустя Бобби почувствовал, как его схватил афффект-охранник.

– Гражданин, ваш эмоциональный фон повышен. Немедленно приведите его в стабильное состояние.

Хватка афффекта не ослабевала.

Бобби медленно выдохнул и посмотрел на него.

– Мой эмоциональный фон стабилен, отпусти меня, – произнес он.

Левая рука перестала вибрировать, синий цвет датчика стал зеленым. Хватка мгновенно ослабла, аффект-охранник удался.

– Освободите окно, гражданин, – произнес аффект, выдающий Разрешения.

Спустя время после получения отказа Бобби оказался в другом Министерстве.

– Дата и период Разрешения? – запросил аффект.

– 1 октября нынешнего года. Начало – 18:00 1 октября, окончание – 22:00 1 октября.

– Разрешению присвоен номер 54545558. Гражданин, вам выдано Разрешение на проявление эмоции Сожаление по единственной утвержденной Супраймером Довации – «дача извинения гражданину Силентиума». Период Разрешения: начало – 18:00 1 октября, окончание – 22:00 1 октября.

Силентиум беспощаден к своим гражданам. Власть постановила – 96 часов в месяц на проявление любой разрешенной эмоции. Свыше – запрещено. Бобби упустил возможность получить Разрешение, потому что получил свои 96 часов за сентябрь. Об этом он даже не знал. Он не считал, сколько раз получил Разрешение на проявление Радости в этом месяце. Любовь он взять не мог. Не подходило не одно

из утвержденных оснований для выдачи. Не было – Довации.

Что же ему оставалось делать? Как хороший товарищ и друг, Бобби принял решение принести Эдварду искренние извинения за свое отсутствие на свадьбе и получил Разрешение на проявление Сожаления, которое можно получить только с одной целью – дача извинения гражданину Силентиума.

Слишком сложно, скажете вы? Да, отвечу я вам. Очень сложно, чересчур. Но не мы выбрали эту жизнь. Не мы выбрали своим домом Силентиум. Некоторые из нас глубоко внутри до сих пор считают своим домом канувшую в прошлое планету Земля.

Ситуация с обедом повторилась, как и в случае с завтраком. На этот раз я спокойно, без лишних движений, зашел в силовой лифт и получил поднос с обедом. Стержни вновь вонзились в потолок и застыли. Знаете, в такие моменты даже не посещают мысли о голодовке. Просто хочется поскорее взять свою еду и не быть убитым этой проклятой камерой.

На обед предоставили две очищенные моркови, бульон с тремя кусочками мяса и рисовую лапшу. Напиток не прилагался.

От всего этого мне хотелось убежать и полноценно поесть. Но я понимаю, что этого больше мне никогда не удастся сделать. Поэтому даже такая еда мне необходима и важна. Нужны силы, чтобы каждый день писать дневник. Нужны силы,

чтобы рассказать вам о том, что со мной произошло. Нужны силы, чтобы в последний раз испытать, пережить все эмоции, изрекая их бумаге.

Я ошибался, рассчитывая на то, что проведу все отведенное мне время в камере. Некоторое время спустя после обеда (может час или меньше) автоматизированный механический голос объявил, что я иду на прогулку.

– У вас есть 15 секунд, чтобы расположиться в центре, иначе вы будете уничтожены. Подойдите к центру камеры. 14, 13, 12...

Этот голос отсчитывает сегодня уже в третий раз. Чтобы не быть насаженным на стержни, я послушно вошел в силовой лифт. Его голубоватый свет стал ярче, и невидимая сила стала поднимать меня вверх, прочь из этой камеры. На время я испытал чувство невесомости. Я полностью отдался ему, понимая, что это лучшее мгновение, которое я в силах получить в этом месте. В такие моменты тебя даже не интересует, что будет дальше, в каком месте ты окажешься, куда поднимает тебя этот чертов лифт. Бежать? Даже мысли не было. Ты словно паришь, летишь в неизвестное пространство. Перед глазами мелькают огни, краски и даже небо! Несколько огоньков приблизились к моему лицу, и я почувствовал тепло, идущее от них. Я хотел протянуть им навстречу руку, но понял, что лишен возможности двигаться.

Лифт транспортировал меня в странное место. Сначала я отказывался верить увиденному. Я не понимал, как мог

здесь оказаться. Глаза не верили, а разум осознал, что я на свободе. Я вышел отсюда! Каким образом? Без малейшего понятия, но я вышел, черт побери! Мозг лихорадочно стал строить план. Что делать дальше? Куда идти?

Передо мной предстал огромный серый город. Серые улицы, застроенные большими небоскребами, чья высота уходила куда-то в неизвестность. Казалось, им нет ни конца, ни края. Небоскребы тянулись вверх, в высоту, к серому небу, которого на самом деле не было. Там, на высоте около 500 метров, висели тысячи ламп, напоминающих яркие солнца. Они были на небесном потолке.

Небоскребы казались реальными. Точно такими же, как и на городских улицах Силентиума. Только здесь они были ненастоящими. Это гигантские муляжи, которые похожи на своих реальных братьев. В этих небоскребах никто не жил и не работал. Свет в их окнах никогда не зажжется, а их пороги никто и никогда не переступит. Их двери были лишь прекрасно созданной иллюзией.

Вдоль искусственных небоскребов растянулись серые цветники и газоны. Абсолютно серые деревья покачивали своими серыми ветвями, на которых росли серые листья. Им не страшна осень и зима. Они никогда не пожелтеют и никогда не опадут от дуновения ветра на землю.

Вдоль искусственных газонов и деревьев расположились дороги и улицы, по которым не ездила ни одна машина. Серые улицы этого города были заполнены единственными жи-

выми существами – своими жителями, *калидумами*. Кроме меня, на прогулку вышли еще сотни тысяч заключенных Руины. Они бродили по улицам, газонам и цветникам и напоминали призраков. Бледные, безэмоциональные и безжизненные тени города-призрака.

Вдоль серых улиц выстроились в ряд сотни тысяч аффектов-надзирателей, следивших за каждой тенью и готовых пресечь противоправные действия.

– У вас есть 2 часа, калидум. Спокойной прогулки, – встретила меня машина.

Я вышел из лифта. Голубоватый свет погас, и лифт исчез под улицей. Видимо, он опустился в мою камеру, которая находилась этажом ниже города-призрака. Я оказался один посередине небольшого серого закоулка.

Окинув все взглядом, я понял, что каждый калидум поднимается сюда из своей камеры. Тысячи лифтов из тысяч камер поднимали наверх заключенных, давая им возможность осуществить прогулку. Посередине улиц в пяти метрах друг от друга мигали круглые пустоши – шахты лифтов, ожидавшие команды вновь опустить своего калидума в камеру.

– Прямо серые джунгли. Сам построил? – обратился я к аффекту.

– Здесь запрещены разговоры, калидум, – ответила машина. – Приятной прогулки.

Я нашел удобное место на сером цветнике рядом с угловатым небоскребом и расположился. Трава на удивление была

мягкой, словно настоящая. Такое место мне вполне подходит для того, чтобы спокойно писать дневник.

Итак, возвращаясь к жизни на Силентиуме, я задам вопрос своему неизвестному читателю. Как человеку, наделенному от природы чувствами и эмоциями, контролировать их неизбежное проявление? Как их гасить, чтобы не стать преступником для государства и мирно в нем существовать?

Некоторые могут вспомнить фильм Курта Уиммера «Эквивилибриум» с Кристианом Бэйлом, где каждый человек принимал специальный химический препарат для ликвидации возможности чувствовать. Этому фильму уже 726 лет, и, если ты, читатель, никогда не слышал о нем, можешь воспользоваться моей рекомендацией и его посмотреть.

Но нет. Власть Силентиума приняла сложное и в то же время более действенное решение. Зная, что действие препарата может только на время лишить человека эмоций, Супраймер посчитал, что нашел способ лишить человека эмоций навсегда. Вождь создал новый виток в системе образования, который почти с рождения учил человека только единственному и самому главному – не проявлять эмоции, сдерживать их, убить их в себе. Это своего рода программирование сознания, основной задачей которого является не допустить сбой. Ведь даже проявление разрешенных вождем эмоций не должно выходить за рамки эмоционального фона гражданина Силентиума. Излишнее проявление Радости, Любви, Грусти и Сожаления приведет к присвоению статуса

калидума и немедленной отправке в Руину для дальнейшей казни.

В основу всего образования Супраймер заложил стоицизм – философскую школу, возникшую в древних Афинах. Государстве, которого уже давно не существует. Для себя Вождь понял, что стоицизм поможет подавить и сокрыть эмоции человека. Но дальнейшие принципы образования, утвержденные властью как единственные и неоспоримые, никак не соотносились с древней философской школой.

Все разрешенные эмоции в первую очередь должны быть использованы во имя Силентиума и его бессменного лидера Супраймера. Это чувство патриотизма зарождали в людях с 5 лет. Уже в этом возрасте ребенка отнимали у родителей и отдавали на воспитание в академию Чессабитов – безэмоциональных наставников. Чессабиты учили дисциплине, учили скрывать эмоции, не давать волю чувствам. Академия убивала все природные инстинкты человека, благодаря которым существовали эмоции. Любое их проявление в стенах академии жестоко каралось телесными наказаниями и полной изоляцией ребенка от остальных. Постоянное психологическое давление, строгая обстановка – испытания не прекращались ни на минуту. Так рождались и закалялись истинные граждане Силентиума. Используя традиции воспитания древнегреческих спартанцев, наша культура строится на почитании спокойствия и хладнокровия, дабы не допустить кровопролития и войны. Для нас война не источник славы и гордости.

Для нас гордость – ее отсутствие. В сочетании спокойствия и хладнокровия наша жизнь должна быть направлена только во благо Силентиума и его вождя.

Принципы, заложенные в академии, настолько глубоко проникали в сознание человека, что их невозможно было забыть:

1) Любовь необходима для того, чтобы полюбить женщину и родить от нее гражданина Силентиума.

2) Любовь необходима для того, чтобы полюбить мужчину и родить от него гражданина Силентимуа.

3) Любовь и Радость необходимы для того, чтобы создать брак, семью и жить в угод и на благо Силентиума. Каждая свадьба, каждый брак, каждая семья – это Любовь и Радость для Силентиума и Супраймера.

4) Радость необходима для того, чтобы встретить в этом мире нового гражданина Силентиума. Рождение нового гражданина – это Радость для Силентиума и Супраймера.

5) Радость необходима для того, чтобы работать и жить во благо Силентиума и Супраймера. Каждый гражданин Силентиума должен радоваться отдаваемому труду во благо своего государства.

6) Радость необходима для осознания того, что гражданин на протяжении 50 лет от своего рождения живет во благо Силентиума и Супраймера. 50 лет для гражданина – это Радость для Силентиума и Супраймера.

7) Любовь и Радость необходимы для проявления Любви

и Радости к вождю.

8) Грусть необходима для того, чтобы проводить в последний путь гражданина Силентиума. Смерть гражданина – это Грусть для Силентиума и Супраймера.

9) Сожаление необходимо для того, чтобы признать свою вину. Принести извинения гражданину – извиниться перед Силентиумом и Супраймером.

Записав принципы, я вспомнил свои годы в стенах академии. Почти треть жизни мы проводим там, чтобы учиться не стать преступником в своем государстве. Помню, на протяжении всего обучения носил серую форму с оттенками черного. Все академики были обязаны ее носить и содержать в чистоте и порядке. Так вырабатывалась дисциплина, уважение к себе, сила характера, сила безэмоциональности. Серые и черные тона формы не давали повода для проявления эмоций.

Помимо выработки блокировки эмоций Чессабиты учили и прикладным наукам, литературе, музыке, кинематографу, культуре, боевым искусствам, навыкам владения оружием.

Нас учили тому, как в абсолютно спокойном состоянии читать и изучать книги, слушать музыку, наслаждаться любимым фильмом, не испытывая при этом ни малейшей искорки, способной разжечь в нас восторг или горе, восхищение или жалость, ужас или умиление. Нас учили не знать страха или жалости в бою, терпеть любую боль, воздерживаться от ликования победы.

Все знания давались исключительно для того, чтобы воспитать истинного патриота Силентиума, слугу вождя. Патриот должен безоговорочно признавать власть Супраймера, его режим и отдавать все свои силы на процветание и во славу своего государства.

В 14 лет, как и любой другой, я приобрел статус полноценного гражданина Силентиума и смог получать Разрешения. В то же время, перешагнув этот возрастной порог, я стал и потенциальным калидумом. С этого момента проявление эмоции без получения Разрешения каралось для человека смертью.

Академия Чессабитов – это место, где становятся истинными гражданами Силентиума. Здесь умирают наши эмоции. Здесь рождается гордость за победу над ними.

Моя прогулка окончилась через час-полтора, может два. Я не отказал себе в возможности побродить среди этих гигантских серых небоскребов. Здесь была своего рода полная свобода, гуляй где вздумается. Как мне сообщил один из аффектов, разговаривать с кем-либо запрещено. Здесь калидумы молча бродили, сидели на земле или на лавочках возле небоскребов, некоторые даже пытались тренироваться (приседали, делали махи руками и ногами, кто-то вовсе решил устроить себе пробежку). Никто из заключенных друг с другом не взаимодействовал. Все были порознь. Страх перед аффектами был сильнее жажды общения с себе подобным.

Я понял, что на прогулке главное – не отходить далеко от своего силового лифта и запомнить, где он расположен. Я не знал, когда закончится мое время, поэтому довольно далеко забрел. Когда время истекло, железный страж стальной хваткой схватил меня за плечо и приказал идти к своему лифту. Я был без понятия, где он находится, поэтому просто следовал за своим надзирателем, который чуть не вырвал мне плечо.

Сейчас я вновь в своей камере. Смена обстановки всегда положительно влияет на разум. Прогулка пошла на пользу. Пусть и в таком странном месте, как этот искусственный город-призрак. Нужно продолжить свой рассказ.

Возвращаясь к истории о Бобби, я скажу, что ему просто не повезло. Такое бывает. Он сам виноват, упустив счет своим Разрешениям. Оказалось, что он достаточно взял Разрешений на проявление Радости по утвержденной Довации – «увеличение производительности труда гражданина Силентиума». Месячный лимит исчерпал себя.

Его работа была тяжелой – завод по конструированию аффектов. Она требовала много физических усилий и, конечно, эмоциональной стойкости. Стойкость и дисциплина. Впрочем, эти требования распространялись практически на все виды профессий Силентиума.

Поэтому, как и каждый четвертый (менее стойкий) гражданин, Бобби брал Разрешение на проявление Радости. Брал исключительно для того, чтобы облегчить свое рабочее вре-

мяпрепровождение, увеличить производительность труда.

Но посмотрим теперь на это с другой стороны. Хочу рассказать вам историю о Софии.

После прогулки однозначно лучше пишется.

– София, что ты делаешь? – услышала она голос отца.

– Собираюсь в Министерства, – ответила девушка.

Отец вышел из комнаты и подошел к ней.

– Зачем? – спросил он.

– Маме 50 лет, надеюсь, ты не забыл.

– Верно. Ты молодец.

– Ты идешь со мной?

– Я воздержусь. Возьми лучшие ты, как и хотела. Возьми еще Разрешение и на Любовь. Матери будет приятно почувствовать ее от тебя в такой день.

– Пап, я накопила только для получения Радости. Любовь дороже. Хоть Радостью порадую ее немного.

– Держи, – отец протянул дочери несколько купюр. – Возьми и Радость, и Любовь. Твоей матери 50 лет. Сама ведь сказала.

София посмотрела на протянутые деньги.

– Отец, я не могу. Лучшие мы вместе возьмем. Я и ты. Пусть мама запомнит этот день, когда мы оба будем улыбаться и поздравлять ее.

– Я поздравлю ее, Софи. Пусть не так ярко, как хотелось бы.

– Папа, пожалуйста! Пойдем вместе!

– София, – отец взял ее за левую руку.

Ее органический датчик слегка завибрировал, зеленый цвет замигал.

– Успокойся, родная. Ты более чем достойна этих денег и достойна выразить Любовь и Радость своей матери. Я дарю эти эмоции ей уже 25 лет, пусть и редко показывая их. Самую главную Любовь, которую мы дарим друг другу каждый день, это осознание того, что у нас есть ты, Софи. Наша маленькая прекрасная девочка.

София почувствовала, что сейчас заплачет. Невидимый комок застыл у нее в горле и готов был вырваться наружу, освободив поток слез.

– София, – отец накрыл ее руку своей второй рукой. – Успокойся. Прошу тебя. Возьми деньги и ступай.

Девушка посмотрела отцу в глаза.

– Я люблю тебя, папа.

– И я тебя люблю, дочка.

София прижалась к отцовскому плечу и почувствовала спокойствие. Датчик перестал мигать.

– Добрый день, – София протянула аффекту руку, и тот считал идентификационный номер датчика.

Девушка простояла в очереди полтора часа и наконец заняла первое место рядом с окном за номером 2809.

– Дата и период Разрешения? – запросила машина.

– 17 октября этого года. Начало – 09:00 17 октября, окончание – 23:00 17 октября.

Афффект погрузился в свой компьютер.

– Укажите Довацию, гражданин, – афффект развернул к Софии монитор компьютера. На экране высветился номер ее органического датчика, номер запроса и список Доваций на запрашиваемое Разрешение.

Любовь:

1) День Супраймера;

2) рождение гражданина Силентиума;

3) свадьба гражданина Силентиума;

4) 50 лет гражданину Силентиума;

Прикоснувшись к экрану, София отметила номер 4. Послышался звуковой сигнал. Афффект развернул монитор к себе.

– Кому исполняется 50 лет, гражданин? – запросил афффект.

– Моей матери, идентификационный номер 53435699.

Главная Система высветила на экране всю информацию о матери Софии. Вновь послышался звуковой сигнал.

– Подтверждаю. Произведите оплату пошлины, гражданин.

София протянула в окно отцовские деньги.

– Оплату подтверждаю. Разрешению присвоен номер 54645570. Гражданин, вам выдано Разрешение на проявление эмоции Радость на основании утвержденной Супрайме-

ром Довации № 4 – 50 лет гражданину Силентиума, чей идентификационный номер 53435699. Период разрешения: начало – 09:00 17 октября, окончание – 23:00 17 октября.

– Благодарю, – улыбнулась София.

– Освободите окно, гражданин. Соблюдайте ваш эмоциональный фон.

Девушка отошла от окна. Внешне спокойной Софии очень хотелось подпрыгнуть и захлопать в ладоши. Но время, отведенное на проявление эмоции, еще не наступило. Она быстро привела в себя в порядок и направилась к выходу, в соседнее Министерство Радости.

– Мои 96 часов не могли истечь. Произошел сбой. Проверьте еще раз, – услышала она за спиной.

София обернулась и увидела высокого молодого человека, стоявшего около окна 2809. Он стоял после нее в очереди на выдачу.

– Ваш лимит превышен, гражданин. Освободите окно, – проговорил эффект.

Молодой человек продолжал стоять возле окна и не двигался.

– Еще раз, – произнес он. – Прошу проверить повторно мой лимит.

– Освободите окно, гражданин, – вновь повторила машина.

Левая рука молодого человека затряслась. Зеленый цвет датчика сменился на мигающий синий.

«Божже мой», – подумала Софья.

Лицо парня побагровело, стало красным. Глаза намокли.

– Почему у нас, граждан Силентиума, нет информации о своем лимите? – прошептал он в железное лицо аффекта. – Почему? Это ведь ваша вина. Ваша ВИНА и ОБЯЗАННОСТЬ!

Последние слова молодого человека криком разнеслись по всему второму этажу зала Министерства. Синий цвет датчика сменился на желтый и спустя секунду на красный.

В то же мгновение за спиной человека возникли два аффекта.

– Не двигаться, гражданин. Вам присвоен статус калидума. Вы арестованы.

Молодой человек развернулся и вновь закричал. Его юношеское лицо уже не казалось молодым. Оно было искажено яростью и злостью, по щекам текли слезы.

– За Любовь стоит бороться! – с этими словами он выхватил из внутреннего кармана серого плаща небольшую рукоятку и резко взмахнул ею.

Левая часть головы аффекта со звоном соскользнула на пол, обнажив электронные мозги.

Рукоятка, используемая молодым человеком, является одним из самых распространенных видов оружия. Она выпускает из сопла короткий луч, в состав которого входит огненная кислота, способная разрезать практически любой металл на планете и иную твердую поверхность. Эффективная

вещь. Отлично выручает в ближнем бою. Разрезает проклятых роботов, как нож масло.

Молодой человек вновь взмахнул рукой. Это стало его последним движением. Железная конечность охранника перехватила руку калидума и со страшной силой сомкнулась. Послышался громкий хруст, запястье сломалось. Молодой человек закричал. Обездвиженные пальцы выронили на пол оружие. Вторая конечность афффекта сомкнулась уже на его шею. Крик оборвался. Второй афффект, оказавшись за спиной эмоционального преступника, выбросил железную клешню вперед, проткнув последнего насквозь. Грудь молодого человека с отвратительным треском разверзлась, обнажая верхние ребра и часть внутренних органов. На пол хлынул поток крови, обрызгав обоих железных стражей. Калидум закричал. Из рта пошла кровь. Афффект провернул клешню, круша внутренности, и вытащил её из тела. Обезвреженный и мертвый эмоциональный преступник рухнул на пол.

– Граждане Силентиума, соблюдайте спокойствие. Стабилизируйте эмоциональный фон, – объявил афффект, опуская окровавленную клешню.

Спустя несколько секунд рядом с телом появились афффекты-ликвидаторы. Кровь с пола была мгновенно смыта. Тело исчезло. Будто ничего не произошло.

Присутствующие в зале на мгновение застыли, но после

громкого объявления вернулись к своим делам.

– Ничего необычного, – сказала себя София, ставшая свидетелем кровавого зрелища, – Уничтожен преступник, оказавший сопротивление при аресте.

Где-то в глубине души своего холодного состояния она сохранила то, что увидела. Навсегда запомнила последние слова юноши «За Любовь следует драться!». Она помнила об этом до конца своих дней.

В тот же день София успешно получила Разрешение и на проявление Радости. На следующий день мать Софии провела один из лучших дней в своей жизни. День, полный Любви и Радости. День в окружении своей семьи.

Так заканчивается история София. Прошу прощения за кровавое описание, но это наглядно отображают жизнь на Силентиуме и его быт. Такие инциденты в порядке вещей. Таков наш порядок.

Прошел ужин. Вареный картофель, фасоль, кусок куриного мяса, вода. Первый день окончен.

Пишу в темноте. Несмотря на то, что я жив и этому нужно радоваться, я ужасно себя чувствую, находясь здесь. Это проклятая тюрьма! Это главная пытка, дарованная перед смертью. Я жду ее, читатель. Жду свою смерть. Сегодня мой первый день в Руине. На седьмой меня казнят как калидума, эмоционального преступника, нарушившего главные принципы дорогого вождя и Силентиума. Казнят за то, что мною

совершенно. Мне некуда деваться, разве только ждать предназначенного часа.

Сил не осталось, хочется просто умереть. Но только не быть убитым этой камерой. Сил нет. К черту этот дневник и все написанное. Просто пусть покончат со мной, меня в этом мире больше ничто держит.

Смейся, проклятая тишина! Смейся, проклятая темнота! Смейся и ты, проклятый дневник! Меня не станет, и вы останетесь одни. Я стану свободным, а вы – сгниете в этой камере. Вы это заслужили.

День 2

Утром меня вновь разбудил механизированный голос. Успел. Оставалось всего пару секунд, но я все же получил свой завтрак. Пока не могу привыкнуть к такому утреннему подъему. Сажу на полу, всего трясет. Нужно привести себя в порядок. Нужно время, чтобы сконцентрироваться, прийти в себя. Соберись, калидум.

Прочитал вчерашние записи, написанные в темноте. Чувствую, что писал их не я, а кто-то другой. Я поддался порыву, ослаб. Эмоциональный фон полностью вышел из-под контроля. Сейчас это уже не важно, я уже осужден и приговорен.

Нет. Я продолжу писать. Истинный гражданин Силентиума не сдастся. Давай, калидум, ты все еще силен. Несмотря ни на что. Мой рассказ продолжается, читатель.

Все началось месяц назад. Вечер пятницы, один из самых прекрасных вечеров на рабочей неделе. Супруги Марии еще не было дома. Дочка Ирен находилась в академии Чессабитов. Ей оставалось совсем немного до выпуска – всего 3 года. В свои 15 лет она в совершенстве освоила навыки блокирования эмоций. Была лучшей в потоке. Являлась носителем одного из самых высоких рейтингов у Чессабитов. Искренне надеюсь, что она станет очень непростой девочкой.

В тот вечер я был дома один. Налил себе крепкого чая с

лимоном, взял в руки книгу и устроился в кресле. Сделав глоток, я почувствовал, как тепло от горячего напитка прошло мурашками по всему телу.

Читатель, наверное, отметит, что мне не помешало бы в такой свободный вечер что-то покрепче. Скажем, виски или бурбон. Но поспешу разочаровать. Алкоголь запрещен на Силентиуме. Вот уже 300 с лишним лет. Что делает алкоголь? Он провоцирует эмоции. Дает им волю. Способен разрушить внутреннюю броню от них, в которую мы полностью облачаемся, окончив академию.

Спустя полчаса после того, как я удобно расположился отдохнуть, в дверь моего дома постучали. Я обратил внимание на часы. 21:35. Стук был очень жестким и быстрым. Мария стучала по-другому. К тому же, у нее есть ключи.

«Кто бы это мог быть?» – подумал я в тот момент.

Я отложил книгу и направился к двери. Стук раздался еще раз.

– Слушаю. Кто это? – спросил я.

– Диктарий I класса. Откройте, гражданин, – послышался голос.

Я закрыл глаза и медленно вздохнул, приводя ритм бие-ния сердца в норму. Задержал дыхание на 3 секунды, выдохнул.

– Секунду, Диктарий, – ответил я.

Диктарии. Одно только их название сбивает настрой и вызывает панику. Их появление может спровоцировать жел-

тый, а то и еще хуже – красный цвет на твоём органическом датчике. Диктарии – это элита государственной службы Силентиума. Говоря о том, что моя девочка станет очень непростой, я подразумевал именно Диктариёв. Это моё желание как отца. Чтобы она добилась большего, чем я. Стала одной из них.

Верные слуги, хранители, личные стражи самого Супраймера. Они – последний неприступный оплот на пути к вождю. Они – его глаза и уши, его карающий меч. Главной задачей Диктариёв является контроль за Главной Системой. Опыт человечества доказал, что, каким бы ни был совершенным искусственный интеллект, он должен находиться под контролем человека. Главная Система, вся армия аффектов находятся у них в подчинении. Диктарии властны над всем. Если ты их видишь, это означает только одно – они сами этого захотели. Самый главный объект их надзора – это граждане Силентиума. Машина может не распознать малейшее проявление эмоции. Даже органический датчик не всегда способен уловить эту мельчайшую частичку. Поэтому самым опасным врагом и охотником для человека всегда был и есть сам человек. Диктарии способны найти и вычислить калидума задолго до присвоения ему этого статуса. В их ряды берут только тех, кто оканчивает академию Чессабитов со 100%-ным рейтингом. Только тех, кто отличается совершенным интеллектом, высоким уровнем физической подготовки. Бросив вызов Диктарию, ты обрекаешь себя на вер-

ную смерть. Противостоять им невозможно. Их физическая мощь настолько высока, что они способны уничтожить даже аффекта. Сильные, быстрые, невозмутимые, бесстрашные. Имея Диктариев, можно было бы отказаться и от железных машин. Но Супраймер исходил из другого. Их главное оружие – предчувствие, недоступное машине.

Я открыл дверь. Передо мной стоял высокий мужчина в серой форме с черными обрамлениями. Черные ботинки, черные перчатки, черная фуражка. На груди сиял золотой значок Диктариев.

– Гражданин Вейд? – спросил мужчина.

– Да, – ответил я.

– Разрешите войти.

– Проходите, – я отошел в сторону, давая Диктарию пройти.

– Какова цель вашего визита, Диктарий? – спросил я. – Нарушений за мной не числится. Эмоциональный фон стабилен.

Я протянул ему левую руку. Органический датчик показывал зеленый цвет моего стабильного состояния.

– Вы спрашиваете, какова моя цель, гражданин, – проговорил Диктарий, осматривая коридор. – Моя цель – защита нашего Супраймера и Силентиума. Но на данный момент, гражданин, моя цель...

Диктарий посмотрел мне в глаза и сделал шаг в мою сторону.

– Моя цель – старая дружба, – произнес он и... улыбнулся.

– Я вас не понимаю.

– Протяни левую руку.

– Я же вам показал, эмоциональный фон стабилен, – я протянул левую руку.

Он крепко схватил ее. Я понимал, что сопротивляться Диктарию бессмысленно и не мог понять, что происходит.

Диктарий вытащил из внутреннего кармана пиджака белую карту и прислонил ее к моему органическому датчику. То, что произошло дальше, мне не объяснить. Зеленый цвет датчика сменился на белый.

– Ну, привет, Лендер! Не узнал меня? – Диктарий снял фуражку и вновь улыбнулся. – Расслабься, дай волю своему удивлению.

Помню, я стоял в тот момент неподвижно и потерял счет времени.

– Лендер, сейчас твой датчик отключен от Главной Системы. Ты не узнаешь меня?

Я стоял и смотрел в лицо своего собеседника, пытаюсь вспомнить, где я его видел. В нем было что-то знакомое. В тот момент я начал это понимать. Омуты памяти стали проявлять изображения, связанные с этим человеком. Мне понадобилась еще минута, чтобы соотнести это возмужавшее лицо с тем лицом, которое когда-то было совсем юным. Это лицо, которое я когда-то знал.

– Ариес? – произнес я.

– Ну наконец-то! – Диктарий отпустил мою руку и несколько раз ударил в ладоши, издав могучие хлопки. Я подумал, что ты вообще меня не узнаешь в этой форме. Скажи хоть что-нибудь.

– Я... – в тот момент мне было трудно подобрать слова, меня очень смущала моя левая рука.

Я узнал этого человека, но я не знал, как вести себя дальше.

– Что с моим датчиком? – спросил я. – Почему у меня белый цвет?

Ариес хлопнул меня по плечу.

– Понимаю твою растерянность. На твоём месте я вел бы себя точно так же. Застыл бы, как памятник, и вообще ничего не говорил. Ты отключен от Главной Системы. Твой эмоциональный фон сейчас в недосягаемости. Отключен на законных основаниях, если сильно переживаешь по этому поводу.

– Серьезно? – я потихоньку начал осознавать произошедшее. – Это теперь навсегда?

– Ты шутишь! – рассмеялся Ариес. – Нет, конечно! Только на время, пока я здесь.

Черт возьми! Как же я давно не слышал простого человеческого смеха. Я издал тихий смешок. А потом разразился громким хохотом.

– Тише! – сказал Ариес. – Соседи услышат!

В ответ на его слова мы вместе рассмеялись. Я хлопнул

его по плечу и обнял. Он меня тоже.

– Черт, Ари! Сколько мы не виделись? Лет 20? Тебя просто не узнать!

– 19, Ленд! Не виделись 19 лет!

Я пригласил его пройти в дом. Спустя время мы сидели за чашкой чая и разговаривали. Я предложил Ариесу расположиться в своем любимом кресле. Он поблагодарил меня и уселся, перекинув ногу на ногу. Его идеально начищенные ботинки отдавали блеском.

– Поверить не могу, – восклицал я в тот момент. – Ты – Диктарий! Очень рад за тебя, Ари. Ты добился того, к чему стремился.

– Мы оба к этому стремились, Ленд. Просто мне повезло больше, – усмехнулся он.

Ариес Альва. Человек, с которым мы вместе выросли в академии Чессабитов. Мы вместе учились, вместе преодолевали страх и боль, вместе познали терпение и принципы нашего дорогого Супраймера. Вместе учились драться, вместе росли физически и стремились к одному – стать Диктариями. Помню, я представлял, как мы оба надеваем эту форму, чистим до блеска ботинки, надеваем свои черные перчатки. И все это – перед торжественной церемонией дачи клятвы Диктария.

Но мне, как и сказал Ариес, повезло меньше. Его рейтинг оказался выше моего, и я не смог исполнить на «отлично» последнее выпускное испытание. Вместе с тем, мой рейтинг

был одним из самых высоких по окончанию академии. Меня, как и Ариеса, уже считали новым Диктарием, но судьба распорядилась иначе. Одному она протянула свою руку, другому нет. Но я всегда говорил себе: «Рука была протянута тебе, это ты не смог за нее ухватиться».

– Ты отлично выглядишь, Ари! – сказал я. – Увидев тебя, я подумал, что все. Сегодня настал тот день, когда мне суждено отправиться в Руину. Правда, я не понимал, за что.

Он вновь усмехнулся.

– Мне просто захотелось проведать своего старого друга. А став Диктарием, мне было не трудно отыскать тебя, – ответил он. – Ты, кстати, тоже неплохо выглядишь, даже отлично.

– Спасибо! – отозвался я. – Слушай, а что это за фокус с датчиком? Как ты это сделал?

– Это, друг мой, привилегия для I класса. Получил ее на днях, сразу после присвоения. Решил позволить себе отпраздновать это событие в твоей компании.

– Как она работает? Не помню, чтобы видел такое в своей жизни.

– А ты и не мог такое увидеть, – Ариес вновь достал из кармана пиджака белую карточку и, повертев ее, показал мне.

Я протянул руку.

– Извини, дружище. Дать не смогу, но посмотреть можешь вдоволь.

– Так как она работает? – уставившись на карточку, спро-

сил я.

– Довольно просто, – ответил он. – Карточка через датчик подает сигнал Главной Системе, что носитель отключен. Отключен по требованию Диктария высшего ранга. Система не видит носителя до тех пор, пока карточка вновь не включит датчик и не отменит заданную Диктарием команду. Образно говоря, хоть на голове ходи в отведенное время. Ни один аффект тебя не вычислит и не найдет.

– А Диктарий? – спросил я, оторвав взгляд от этого волшебного предмета.

– А Диктарий может, – ответил Ариес.

– Ты ведь тоже сейчас отключен от Системы?

– Конечно, – он засучил рукав и показал руку.

– Невероятно, – пробормотал я.

– Полностью с тобой согласен, – он протянул мне свою кружку с чаем, и мы чокнулись.

На протяжении часа мы разговаривали и не могли наговориться. Пили чай и вспоминали совместные годы, проведенные в академии Чессабитов.

– Каково это – служить лично вождю? – спросил я его.

– Очень много работы. Ты даже представить себе не можешь. Мало спишь, мало питаешься, много уходит на физическую подготовку.

– А семья?

– У меня ее нет. Но смотря кого теперь считать семьей. Супраймер – мой отец, а я старший брат – слежу за его

детьми. И, если понадобится, готов убить их за отца.

– Звучит жестоко.

– Мы живем жестоко, Лен. Такова наша жизнь. Наша власть, наше общество. Взамен мы живем в мире и согласии, без войн и кровопролития. Ты сам все прекрасно понимаешь.

– Крови у нас вдоволь, – парировал я. – Я много раз видел, как аффекты рвали на куски человека, который не смог совладать с порывом эмоций. Мы живем без эмоций, словно растение, которое растет не в земле. Весь этот мир и согласие – просто иллюзия.

– Того, что вождь уготовил своему народу – достаточно. Каждый вправе получить Разрешения. Если дать людям больше, они опять развяжут войну. Просто потому, что такова их природа. И в этом их слабость. Мы слабы, Лендер. Слабы как вид. И только благодаря Супраймеру мы еще существуем.

– Ты настоящий сын вождя, Ариес, – сказал я. – Уверен, он очень доволен тобой.

Мы на минуту замолчали.

– Но вот скажи мне, Диктарий. Зачем же тебе тогда этот волшебный инструмент? – я указал на его карточку.

Он знал, что я задам этого вопрос.

– Это – исключение. Исключение, дарованное верным слугам и сыновьям вождя. Дарованное тем, кто защищает Силентиум и обороняет его.

– Верные слуги – это, значит, вы?

– Эта возможность предоставлена только Диктариям I класса. Предоставлена, чтобы мы могли быть верны своему вождю до последнего вздоха. Я думаю, ты не знал об этом, но Диктариям не выдают Разрешения. У нас есть это «исключение», ибо без «исключения» и без возможности получить Разрешение наши ряды способны породить предателей, сопротивленцев, убийц и безумцев.

– Сопротивленцев нет на Силентиуме, – произнес я. – Ты сам не хуже меня знаешь это. Армия аффектов, вживленные датчики, вы. Любая инициатива закончится неминуемой гибели.

– Сопротивления нет, – согласился Ариес. – Но как знать, Лендер. Как знать.

Он задумчиво почесал подбородок.

Помню, что после этих обсуждений мы просто стали говорить и обсуждать жизнь друг друга. Ни слова больше о Силентиуме, Супраймере и Диктариях.

Я не заметил, сколько времени прошло с того момента, как Ариес зашел ко мне. Скорее всего, довольно много. Я услышал звон ключей и звук открывающейся двери. Мария вернулась домой.

– Привет, родная! – окликнул я ее.

– Привет, родной, – ответила она. – У тебя все хорошо? Ты какой-то возбужденный.

Ее спокойное лицо поменялось, когда она увидела своего

мужа в компании Диктария, расположившегося с ним в одной комнате с кружкой черного чая в руке. Зеленый цвет ее датчика начал быстро мигать. Я подбежал к жене и нежно взял ее за руку.

– Мария, спокойно. Это мой давний друг Ариес Альва. Мы вместе прошли академию.

– Твой друг – Диктарий? – спросила она. – Мы в чем-то провинились?

Он направил свой взор на Ариеса.

– Добрый вечер, – Диктарий встал, вытянувшись в свой могучий рост.

– Ариес, это Мария – моя супруга, – сказал я.

– Очень приятно, – он кивнул в знак приветствия и протянул руку.

Мария посмотрела на нее, но не решилась пожать.

– У меня нет к вам никаких замечаний, Мария, – ответил он, заметив ее нерешительность, – Будьте спокойны. Ваш супруг и я действительно давно знаем друг друга, с самого детства. Мы не виделись 19 лет.

Мария все же пожала руку Диктарию.

– Мне приятно осознавать, что Лендер все же добился большего, чем я. Создал прекрасную семью, – улыбнулся он.

– Вы действительно Диктарий? – спросила жена. – Пусть на вас их форма, но выглядите вы очень добрым и живым человеком, а не жестоким и холодным стражем порядка.

– Несомненно, Мария. Я Диктарий I класса. А добрый и

живой человек я сейчас только потому, что был очень рад увидеть и пообщаться со своим другом.

Он надел фуражку и поправил форму.

– Дружище, я пойду, пожалуй. Был очень рад тебя повидать.

– Взаимно, Ари. Тоже очень рад был тебя увидеть.

Мы крепко обнялись и хлопнули друг друга по плечам. Настороженное лицо Марии смягчилось и сменилось легким удивлением. Ариес достал белую карточку и прислонил ее к своему датчику, затем к моему. Белый цвет на обоих устройствах сменился на зеленый. Мы вновь стали подконтрольны Главной Системе.

– Удачи, Лендер. Хорошего вечера, Мария, – сказал он.

– Удачи, Ариес, – попрощался я.

– Хорошего вечера, Диктарий, – попрощалась Мария.

Заканчивая описание прошедшей встречи с давним другом, я едва не упустил свою собственную удачу. Увлечшись написанием и полностью погрузившись мыслями в те события, я едва не пропустил обед. Механический голос отсчитывал последние 7 секунд, когда я перестал писать. Я вновь успел. Стержни поднялись в нескольких миллиметрах от моей спины. Я с запрыгнул в силовой лифт в последний момент. Теперь мне стало смешно от осознания того, что мгновение назад мог погибнуть в сражении за свой обед.

Поданную, как и в прошлый раз, на подносе морковь ре-

шил взять с собой за компанию. Сижу и грызу. Я справлюсь. В моих силах достойно провести последние дни в гордой неприступности перед страхом и переживаниями.

Немного отдохнул от дневника. К отсутствию лежанки начинаешь привыкать. Твердый пол вполне устраивает. Чувствую, что сегодня буду все время в камере. Видимо, на прогулки выходят не каждый день. Между тем день казни приближается, поэтому опять приступаю к работе.

Ваш покорный слуга имеет специфическую работу. Лендер Вейд работает в Национальной Библиотеке Силентиума № 7. Всего на Силентиуме 10 библиотек, и каждой присвоен свой номер. Это великолепные и величественные сооружения, уступающие только зданию Министерств. Библиотека – прекрасное место. Здесь можно найти много нового и интересного для себя. Например, о тех временах, когда Силентиум назывался Землей. Да, найти можно многое, но не все. Ряд произведений, сборников, энциклопедий и другие книги после установления режима Супраймера стали запрещены. Велся специальный реестр. Властью организован книжный фонд, представляющий собой 10 централизованных библиотек. Здесь осуществлялся контроль за всеми произведениями планеты. Книги, способные вызвать нарушение эмоционального фона гражданина, находились под запретом.

Именно в этом моя работа и заключалась. Я возглавлял отдел по контролю за поступающим в библиотеку книжным

фондом. Если какое-то произведение находилось под запретом, его сжигали по моему распоряжению. Остальные книги подвергались анализу на предмет выявления содержания, способного нарушить эмоциональный фон человека. Если все соответствовало – книга поступала в зал библиотеки и ждала своего читателя. Если нет – подвергалась уничтожению.

На следующий день после разговора с Ариесом я провел очередной рабочий день. Помню, что не выявил тогда ни одной запретной книги, все были отправлены в зал для чтения. Данное обстоятельство само по себе было редкостью. По дороге домой я решил зайти в книжный магазин. Моя любовь к книгам делала мою работу еще интересней. Благодаря страстному желанию в изучении произведений у меня не было необходимости тратить денежные средства на получение Разрешения на проявление Радости по Довации «увеличение производительности труда гражданина Силентиума».

Не все мои рабочие дни были спокойными. Та же любовь к книгам тормозила принятие решений об их уничтожении. В некоторых запретных книгах я не видел никаких факторов, способных побудить человека к эмоциям. Несмотря на это, мне приходилось принимать решения, в результате которых исчезали целые собрания классических произведений, написанных еще великими писателями Земли.

Я любил читать. В тот день меня интересовала литература о боевых искусствах. Я полюбил боевые искусства еще в ака-

демии Чессабитов и неплохо в них преуспел. Они не только делают твое тело сильнее, но и вырабатывают дисциплину и умиротворенность. Вырабатывают то, что необходимо для поддержания своего стабильного эмоционального фона.

«Боевые навыки граждан Силентиума. 3-е издание». Заметив на полке книгу, я протянул к ней руку. Цена меня устраивала. Содержание тоже. Книга была наполнена схематичными изображениями различных приемов. Автор указан не был. Просмотрев несколько страниц и одобрив свой выбор, я направился к продавцу. Следующий момент я запомнил на всю жизнь, потому что он изменил ее навсегда.

Выбранная книга затряслась в руке. Не понимая, что происходит, я остановился, не дойдя до продавца несколько метров. Книга тряслась от вибрации левой руки. Я снял рабочий пиджак и засучил левый рукав рубашки. То, что я увидел, не укладывалось у меня в голове. Мой органический датчик светился красным цветом. Первое, о чем я подумал тогда, это то, что мне показалось. Мои глаза просто могли перепутать цвет. В надежде, что это так и есть, я их закрыл. Находясь в темноте, я продолжал ощущать вибрацию. Это могло означать только одно – органический датчик действительно горел красным цветом. Я открыл глаза. Все тот же красный цвет.

Не помню, что я тогда испытал. Но помню другое: беря с полки «Боевые навыки граждан Силентиума. 3-е издание», я чувствовал себя абсолютно спокойным. Мой эмоциональной

фон был стабилен. Никаких внешних раздражителей, способных вызвать риск возникновения эмоций, я не испытывал в тот момент.

Зная, что влечет за собой красный цвет на органическом датчике, я отложил книгу и направился к выходу. Меня окликнул продавец, уточняя, возьму ли я книгу или нет, но увидев мою левую руку, замолчал.

– Это не то, что вы думаете, – сказал я ему. – Это техническая ошибка. Видимо, органический датчик сломался, что-то замкнуло.

– Простите, я не имею права с вами говорить, гражданин, – ответил он. – Покиньте помещение.

В таком состоянии я не знал, чего ожидать и что делать дальше. Осознав произошедшее, внутренний голос громко кричал: «БЕГИ!» Я схватил свой пиджак и, накрыв им левую руку, выбежал на улицу.

Рабочий день был закончен. Граждане торопились домой. На дорогах образовались заторы, на улицах возникла небольшая толкучка. Оказавшись на улице, я чуть не снес женщину с ребенком и толкнул проходящего рядом с ними мужчину. Пиджак слетел, оголив левую руку. Мужчина устоял на ногах и посмотрел на меня.

– Простите, гражданин, – выдохнул я.

Его взгляд упал на мой датчик, и он быстро прошел мимо. Женщина с ребенком не обратили на меня внимания и пробежали рядом. Я попытался вклиниться в эту послерабочую

давку, но было уже поздно.

Послышался топот тяжелых железных ног. Аффекты уловили сигнал от Главной Системы о наличии поблизости гражданина со статусом калидума. Увидев агрессивное приближение машин, окружающий меня народ кинулся врассыпную.

– Не двигаться, гражданин, – послышался механический голос.

– Не двигаться.

– Не двигаться.

– Не двигаться, гражданин.

Я был окружен шестью аффектами.

– Не двигаться, гражданин. Вам присвоен статус калидума. Вы арестованы.

– Это ошибка. Мой эмоциональный фон стабилен, – сказал я, поднимая руки. – Мой датчик неисправен. Идентификационный номер 57728028. Лендер Вейд.

– Гражданин.

– Гражданин.

– Гражданин, вам присвоен статус калидума. Не сопротивляйтесь аресту, или вы будете уничтожены.

– Не сопротивляйтесь аресту, или вы будете уничтожены.

– Вы будете уничтожены.

Аффекты приближались ко мне, сужая круг оцепления.

– Я не сопротивляюсь! – я начал терять контроль над собой, страх уже полностью овладел мною. – Я не сопротивля-

юсь! Необходимо проверить исправность датчика!

– Сопротивление.

– Сопротивление.

– Сопротивление при аресте, калидум.

– Калидум.

– Калидум.

– Я не сопротивляюсь! – прокричал я, опускаясь на колени. – Я сдаюсь!

– Калидум, вы оказываете сопротивление.

– Вы оказываете сопротивление.

– Уничтожить.

– Уничтожить.

Я понял, что на мои слова не реагировали. Я стоял на коленях, подняв руки, и понимал, что мои действия не расцениваются аффектами как добровольная сдача при аресте. Машины собирались меня прикончить. У меня оставался только один выбор – защищать свою жизнь.

Первый аффект, оказавшийся сзади, схватил меня за поднятую руку. Я закричал. Руку сдавило со страшной силой и раздавило бы совсем, если бы я не вырвался. Я упал на землю. В ту же секунду подоспел второй аффект. Меня рывком подняло в воздух и отбросило. Я пролетел несколько метров и столкнулся с пробегающим мимо человеком. Мы оба повалились. От столкновения сковало все тело. Боль была повсюду. Я сполз с гражданина и перевернулся на спину. П слышались быстрые тяжелые шаги. Внезапно они прекрати-

лись. Один из афффектов взмыл в воздух и обрушился на нас сверху. В последний момент я успел отползти. Сомкнутая в копье железная клешня ударила в землю рядом со мной, чуть не попав в ногу. Я успел увернуться. Удар. Удар. Еще удар. Афффект стал похож на большого железного краба, чьи клешни грозились прорвать меня насквозь. Удар. ЧАВК! Послышался крик. Граждан, с которым я столкнулся, вертелся и кричал от боли. Направляясь ко мне, железный краб пронзил клешнями живот и грудь мужчины. Он видел свою цель и не замечал никого вокруг.

– Боже мой! – закричал я и рванул вперед.

Впереди была дорога. Мимо проносились машины. Я бежал. Прямо через нее, заполненную транспортом. Со всех сторон слышались громкие автомобильные гудки. Мимо пронесся тяжелый грузовик. Я успел увернуться. Справа на меня несся красный джип. И вновь я успел не попасть под колеса. Адреналин, который много лет не вырабатывался у меня в крови, ударил в голову. Я бежал так быстро, как только мог. Но афффекты настигали меня. Они преследовали меня несмотря ни на что. За спиной слышались крики и звук бьющегося стекла и металла. Афффекты перепрыгивали с машины на машину, продавливая их крыши и сокращая дистанцию со мной. Раздался грохот. Одного из афффектов сбило. От сильного удара афффект и машина разлетелись в разные стороны, задев другие автомобили. Слышались страшные удары металла о металл. Встав на ноги и отшвыр-

нув проезжающий мимо пикап, аффект вновь был сбит. На этот раз тяжеловозом. На дороге образовалась страшное зрелище. Те, кто не успевал увернуться от искореженных на дороге машин, на скорости въезжали в железное месиво и разбивались. Тот аффект так и не смог продолжить погоню. Он остался погребенным в этом завале вместе с остальными участниками дорожного движения.

Я бежал дальше. Грохот за спиной не смолкал.

– Уничтожить. Уничтожить. Уничтожить, – доносились механические голоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.